

Антицерковная кампания 1937–1938 гг. и реакция населения г. Куйбышево Новосибирской области

В статье рассматривается ход кампании по закрытию Спасского собора г. Куйбышево Новосибирской области. Анализируются мероприятия городских органов власти и общественная реакция на них, даётся оценка законности действий субъектов конфликта. Осуществляется попытка решения проблемы соотношения властного и общественного начал в ходе социально-мобилизационной кампании. Новизна работы заключается в попытке анализа форм социальной реакции на одну из последних антирелигиозных акций межвоенного периода в региональном контексте западносибирского аграрно-индустриального города. Сделан вывод о высоком уровне неконформизма и социальной активности некоторых групп советских граждан, реагировавших на незаконные и репрессивные действия местных органов власти, при пассивной позиции большинства населения.

Ключевые слова: СССР, Советская власть, Русская Православная Церковь, социальная мобилизация, социальный конфликт.

1930-е годы в истории СССР стали периодом масштабных и форсированных трансформаций в экономике, общественной и культурной жизни. Для оперативного проведения реформ практиковались социальные мобилизации различных форм, масштабов и идеологической направленности. Одной из форм мобилизационных кампаний были мероприятия по ликвидации церквей во второй половине 1930-х годов в масштабах СССР, осуществлённые уже после принятия «сталинской» Конституции 1936 г. Суть мобилизационных кампаний такого типа заключалась в формировании атеистического и враждебного по отношению к религии и церкви мировоззрения граждан. Инструментами реализации кампаний служили мероприятия пропагандистского (выступления представителей советской власти и активистов «воинствующих безбожников») и репрессивного (аресты священников, разрушение церквей) характера. Такими средствами население массово идеологически мобилизовалось на противодействие религии, как силе, способной, по мнению большевиков, выступать в качестве оппонента советской власти.

Актуальность данной темы объясняется значимой ролью религии и государственных институтов в истории России. Важность вопроса возрастает в связи с сохраняющимся общественным интересом к истории религии и государственно-церковных отношений в СССР, а также к специфике сталинской эпохи в целом. Важен также анализ соотношения властного и общественного начал в ходе социально-экономических и идейно-мировоззренческих преобразований, а также в процессе событий, связанных с репрессивной политикой Со-

ветского государства. Следовательно, проблемными являются вопросы о методах и инструментах реализации политики по отношению к церкви и религии и об отношении разных групп населения СССР к действиям власти в этой сфере.

В отечественной историографии политика советской власти по отношению к религии и церкви рассмотрена достаточно подробно. Исследователи ставили вопросы о причинах тех или иных действий властей и социальной реакции на них, детально рассмотрели масштабные антицерковные мероприятия рубежа 1920–1930-х годов. При этом кампании конца 1930-х годов исследованы в меньшей степени – публикаций, посвящённых её анализу, особенно в общегосударственном масштабе, не очень много. В их числе – научные исследования историка М.И. Одинцова¹. Он рассматривает кампанию в общегосударственном контексте, уделяя внимание политике власти и не особо останавливаясь на социальном восприятии её действий. Кроме того, существует ряд исследований, посвящённых закрытию церквей в 1936–1939 гг. в рамках отдельных регионов СССР², но и в них социальный аспект событий вторичен – внимание сконцентрировано на конкретных мероприятиях местных советов, направленных на ликвидацию церковных (приходских) общин и закрытие церквей как «молитвенных пунктов». Таким образом, можно констатировать историографический интерес к политическому аспекту антирелигиозной кампании 1937–1939 гг. и к анализу региональных мероприятий в её рамках. Следует отметить недостаточное освещение в исследовательской литературе проблемы восприятия советским обществом антицерковных действий большевиков, социальной реакции на рассматриваемую кампанию.

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы попытаться восполнить обозначенный пробел, проанализировав конфликт местной советской власти (городской и районный советы) и верующих граждан г. Куйбышево Западно-Сибирского края (с 28 сентября 1937 г. – Новосибирской области), возникший в ходе кампании по закрытию Спасского обновленческого собора. Основным источником исследования послужили нормативные акты местных органов власти (решения городского, районного и областного исполнительных комитетов), а также делопроизводственные и статистические документы, отражающие позицию граждан (заявления в органы власти и протоколы общих собраний).

Новизна исследования состоит не только в попытке выяснения соотношения государственного и социального начал в осуществлении идеолого-политической акции времён Большого террора, но и в выборе территориальных границ. Город Куйбышево, с одной стороны, представлял собой «типичный»

¹ *Одинцов М.И.* Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма 1917–1953 гг. М., 2014. С. 193–227.

² Например: *Кедров Н.Г.* Государство и церковная община в 1920–1930-е годы: эволюция взаимоотношений в Устюженском районе // Устюжна: краеведческий альманах. Вып. 6. Вологда, 2008. С. 3–12.

советский районный центр городского типа, с другой – был частью специфического экономического и историко-культурного пространства Западной Сибири, где освоенные аграрные районы и старинные города соседствовали с быстро растущими индустриальными центрами. Такая специфика не могла не влиять на мировоззренческий тип населения региона. Во второй половине 1930-х годов население небольшого старинного городка Куйбышево было дисперсным с точки зрения происхождения, возраста, рода занятий, а значит, и мировоззрения – в Куйбышево проживали и рабочие промышленных предприятий, и лица, занятые в аграрной сфере, и представители интеллигенции (например, врачи, ветеринары, промышленные инженеры). В этом смысле город нельзя назвать специфическим городом, поскольку многие другие города Западной Сибири и всего СССР имели сложную демографическую структуру³. Таким образом, на примере «типичного» советского населённого пункта городского типа будет рассмотрена специфика одного из этапов государственно-церковных и социально-государственных отношений в СССР.

Кампания по закрытию церквей являлась заключительной частью целого комплекса антирелигиозных мероприятий, проводимых советской властью в межвоенный период. Её интенсивность и размах, на первый взгляд, кажутся незначительными, по сравнению с действиями большевиков по отношению к церкви в период коллективизации конца 1920-х – начала 1930-х годов. Однако кампания 1937–1939 гг., как и предшествовавшие ей, охватила всю страну, а её значимость для власти и общества была велика: большевикам необходимо было окончательно «нейтрализовать» церковную организацию путём ликвидации храмов и содержащих их церковных общин. При этом закрытие храмов преподносилось как инициатива самих граждан. Так власть стремилась продемонстрировать успех атеистической пропаганды («антирелигиозной работы с населением») за последние годы и выявить «враждебные» и «классово чуждые элементы». В этом смысле кампания стала своеобразной проверкой общества на лояльность.

Важно отметить, что поиск социальной опоры советской власти в проведении кампании был облегчён рядом обстоятельств. По советскому законодательству ремонт и благоустройство церквей должны были осуществляться средствами прихожан, однако остававшийся низким уровень жизни советского населения не позволял многим даже искренне верующим гражданам содержать церкви за свой счёт. Кроме того, на поведение граждан влияли формировавший конформное поведение страх политических репрессий и антирелигиозная пропаганда, имевшая определённые успехи, особенно среди молодёжи.

В условиях тоталитарного политического режима местные органы власти были полностью подчинены диктату вышестоящих институтов, а партийные и советские руководители на местах стремились оперативным и эффективным исполнением директив из центра продемонстрировать свою лояльность

³ Шлёгль К. Террор и мечта. Москва 1937. М., 2011. С. 67–70.

и соответствие занимаемым постам. Так было и в Куйбышеве. Летом 1937 г. горсовет во главе с председателем по фамилии Выленок, руководствуясь постановлением ВЦИК о ликвидации церквей в ряде областей РСФСР от 12 декабря 1936 года⁴, начал процедуру закрытия Спасского собора, построенного еще в начале XIX в. и являвшегося одним из символов города. Механизм закрытия храмов в Западной Сибири тогда не был достаточно отработан. Куйбышевский собор был одним из первых храмов, закрытых в Новосибирской области⁵.

Неотъемлемой частью процедуры храмозакрытия являлась работа технических комиссий, изучавших техническое состояние церковных зданий⁶. 4 июня 1937 г. совет г. Куйбышево направил в собор соответствующую комиссию⁷. Формально она работала до 10 июля 1937 г., когда был представлен акт об аварийном состоянии собора. Можно утверждать, что аварийность собора фактически стала лишь поводом к началу процедуры его закрытия, поскольку до появления постановления ВЦИК горсовет не интересовался состоянием здания. В документе содержатся следующие положения (орфография и стилистика источника сохранены): «Здание религиозного культа <...> находиться в бесхозяйственном состоянии, <...> превращён в лесной склад и мусорную яму <...> весь церковный инвентарь <...> в полном антисанитарном состоянии <...> в ряде мест отваленная штукатурка <...>, купол этого здания <...> есть отклонение <...> и вследствие обвала могут быть человеческие жертвы движущейся публики». В заключительной части акта комиссия требовала устранить «ряд допущенных безобразий»⁸. Акт составлен в четырех экземплярах, под ним подписались председатель церковного совета В.Т. Милехин и исполнявшая обязанности церковного старосты И.А. Вавилова.

Но 9 июля 1937 г. Приходской (церковный) совет Спасского собора направил в президиум Куйбышевского районного исполкома Советов (РИК) заявление, раскритиковав работу комиссии. Церковный совет опроверг заявление о превращении храма в «склад» и «мусорную яму»⁹, в ответ на обвинения в антисанитарии заметил, что «в составе комиссии не было компетентного в вопросах гигиены <...> лица»¹⁰. Приходской совет сообщил, что имеет деньги, необходимые для ремонта, но нужных материалов в местном магазине нет, а извёстку можно купить лишь у «частников» «самыми жалкими дозами», рискуя при этом

⁴ ГАНО. Ф.Р-47. Оп. 1. Д. 3382. Л. 146.

⁵ В фондах Р-47 и Р-1020 ГАНО содержится не менее 50 дел о закрытии церквей в Новосибирской области в 1938–1939 гг. и лишь три дела по данной теме за 1937 г.

⁶ Термин заимствован из публикации: *Кедров Н.Г.* Государство и церковная община в 1920–1930-е годы: эволюция взаимоотношений в Устюженском районе // Устюжна: краеведческий альманах. Вып. 6. Вологда, 2008. С. 6.

⁷ ГАНО. Ф.Р-47. Оп. 1. Д. 3382. Л. 140.

⁸ Там же. Л. 139.

⁹ ГАНО. Ф.Р-47. Оп. 1. Д. 3382. Л. 140.

¹⁰ Там же.

«сесть с ними на скамью подсудимых»¹¹. Следует отметить знание авторами документа положений советского законодательства, согласно которому частные предприниматели находились вне закона. Далее в заявлении сообщалось, что заведующий горкомхозом Кошечев кричал на В.Т. Милехина и И.А. Вавилову, «как в крепостное время помещик на свою <...> челядь», стыдил Вавилову за работу в церкви и отклонил ходатайство В.Т. Милехина о гособеспечении как «пострадавшему от контрреволюции», так как «он состоит в церковном совете»¹². Тем самым Приходской совет зафиксировал факт давления функционеров на служителей церкви. Возможно, именно вследствие такого давления В.Т. Милехин и И.А. Вавилова были вынуждены поставить подписи под актом технической комиссии.

Приходской совет обвинил Кошечева в незнании или игнорировании законодательства СССР о церковных исполнительных органах и в «ущемлении свободы совести»¹³. В данном случае продемонстрировано знание положений «сталинской» Конституции 1936 года¹⁴. В заключении Приходской совет потребовал от властей аннулировать акт комиссии и выдать наряд на покупку стройматериалов¹⁵.

Заявление интересно тем, что демонстрируют столкновение позиций власти и общественной группы (верующие, члены органа церковного управления) по принципиальному для сторон вопросу. Опираясь на законы, граждане стремились добиться защиты своих прав. Примечательно, что ими использовались и сугубо идеологические категории, например, сравнение советского чиновника с помещиком: граждане борются с произволом власти, используя её же аргументационную базу.

В ответ на конструктивную критику действий властей последовали репрессии: В.Т. Милехин был арестован как «враг народа»¹⁶, а И.А. Вавилова 14 августа 1937 г. отказалась от должности церковной старосты, после чего её след в архивном деле теряется. Однако скрыть противоправность действий Куйбышевского горсовета не удалось: резонанс дошёл до Новосибирска, и секретарь Запсибкрайисполкома Советов К. Вольфрам потребовал официально проинформировать население о предстоящем закрытии собора, вывесив объявление о сдаче его здания в аренду¹⁷. Такая практика уже использовалась в некоторых регионах СССР (например, в Вологодской области¹⁸), а после

¹¹ ГАНО. Ф.Р-47. Оп. 1. Д. 3382. Л. 141.

¹² Там же.

¹³ ГАНО. Ф.Р-47. Оп. 1. Д. 3382. Л. 141–142.

¹⁴ См. Ст. 124 Конституции СССР 1936 г.

¹⁵ ГАНО. Ф.Р-47. Оп. 1. Д. 3382. Л. 142.

¹⁶ Там же. Л. 147.

¹⁷ Там же. Л. 132.

¹⁸ *Кедров Н.Г.* Государство и церковная община в 1920–1930-е годы: эволюция взаимоотношений в Устюженском районе // Устюжна: краеведческий альманах. Вып. 6. Вологда, 2008. С. 6.

«куйбышевского случая» применялась и в Новосибирской области. Желающих арендовать собор не нашлось. Именно на такое развитие событий и делала ставку местная власть. Отсутствие желающих арендовать собор «свидетельствовало» об идеологической победе над религией и давало юридические основания для продолжения процесса закрытия храма¹⁹.

Далее городские власти организовали сопровождаемый агитацией сбор подписей на избирательных участках, предприятиях и в образовательных учреждениях за закрытие храма и передачу его на культурные нужды²⁰. Одним из ораторов на общих собраниях избирателей был Кошечев, на незаконные действия которого жаловался в заявлении Приходской совет. Аргументы сторонников закрытия церкви были «универсальны»: «контрреволюционность» религии²¹ и аварийность собора. Несмотря на единичные случаи отказа граждан подписываться²², «2350 трудящихся» проголосовали «за»²³. При этом уже в процессе сбора подписей местные власти столкнулись с проблемой недостаточного числа подписей, вынуждавшей их проводить повторные собрания и «подписку»²⁴ за закрытие собора. Жители Куйбышево явно не были едины в своём мнении относительно необходимости ликвидации собора.

Тем не менее, к 1 февраля 1938 г. было подготовлено более 100 листов с подписями и протоколами собраний, и горсовет направил в вышестоящие органы ходатайство о закрытии Спасского собора. 10–16 марта решениями областной комиссии по вопросам культа при президиуме Новосибирского облисполкома и Президиума облисполкома собор был официально закрыт²⁵.

На «культурные нужды» он не пошёл, а был «продан» за 18 тыс. руб. местной тюрьме²⁶. В статье «Голопяство или преступление»²⁷ автора под псевдонимом И. Сибирский рассказано о давлении на верующих, в частности, о «подписке» за закрытие собора под лозунгом «Кто за собор, тот против власти». В статье сообщалось также о том, что после передачи («продажи») здания храма тюрьме и начала его демонтажа силами заключённых «враги своей цели добились: пошли разговоры, что разрушаются храмы, а строятся тюрьмы и винзаводы». Автор обвинил местные власти «в контрреволюционной деятельности». Налицо очередной пример сочетания идеологической риторики и обвинений в

¹⁹ ГАНО. Ф.Р-47. Оп. 1. Д. 3382. Л. 132–133.

²⁰ См. ГАНО. Ф.Р-47. Оп. 1. Д. 3382. Л. 40–65, 74–103, 115–120 и др.

²¹ Например, ГАНО. Ф.Р-47. Оп. 1. Д. 3382. Л. 77, 88.

²² Например, ГАНО. Ф.Р-47. Оп. 1. Д. 3382. Л. 49–50.

²³ ГАНО. Ф.Р-47. Оп. 1. Д. 3382. Л. 2.

²⁴ Там же. Л. 55.

²⁵ Там же. Л. 1, 2.

²⁶ Так в документе. См.: ГАНО. Ф.Р-47. Оп. 1. Д. 3382. Л. 147.

²⁷ Текст статьи содержится в архивном деле без указания издания, в котором она была опубликована или планировалась к публикации.

нарушении закона со стороны представителя общественности²⁸. Статья имела свои последствия. 28 ноября 1938 г. президиум облисполкома уволил председателя Куйбышевского райисполкома Лексина и председателя горсовета Выленка, объявив последнему выговор. Президиум облисполкома обязал куйбышевские власти использовать 18 тыс. рублей на культурные нужды, однако вскоре выяснилось, что сумма израсходована²⁹.

Несмотря на несколько ошутимых проявлений общественного несогласия с незаконными действиями местных чиновников, власть добилась своих целей: храм был ликвидирован. Причём его закрытию был придан «демократический» характер, поскольку *de jure* сторонниками ликвидации старинного собора выступило большинство населения города. Вышестоящие органы власти, конечно, отметили факт незаконных действий со стороны председателей горсовета и райисполкома, однако ограничились лишь наказанием этих чиновников. Результаты мероприятий, связанных с ликвидацией храма и оказавшихся незаконными, пересмотрены не были. В 1942 г. здание было окончательно разобрано: из его фрагментов построили цех завода «Металлист», выпускавшего гранаты для фронтов Великой Отечественной войны³⁰.

Социальная поддержка, которой власти добились в процессе закрытия Спасского собора, была необходима партийно-советской номенклатуре. Для ее получения власть шла на обман граждан и прибегала к незаконному давлению на них. Мобилизационная кампания была призвана не только осуществить конкретные идеологические и политические задачи, но и расширить и укрепить социальную опору большевиков в регионе проведения кампании. При этом, несмотря на условия несвободы и усилившегося террора, в обществе находились люди, готовые защищать свои права и интересы, оперируя положениями советских законов и нормами социалистической морали, порой вызывая отклик вышестоящих органов власти. Анализ событий антицерковной кампании в Куйбышево демонстрирует неоднозначность отношения советского общества к мероприятиям местных советских властей и плюрализм моделей социального поведения в ходе кампании. При этом, большинство населения из опасений перед прямыми угрозами властей и политическими репрессиями проявляло конформизм, невольно формируя необходимую власти социальную опору и обеспечивая успешный для государственных чиновников исход процесса закрытия храмов. Позиция противников ликвидации церквей при всей аргументированности и законности их высказываний и действий не служила серьёзным препятствием для решения основной задачи кампании. Уникальность рассмотренного случая заключается не в принципиальных от-

²⁸ Текст статьи см.: ГАНО. Ф.Р-47. Оп. 1. Д. 3382. Л. 147.

²⁹ ГАНО. Ф.Р-47. Оп. 1. Д. 3382. Л. 145.

³⁰ *Савицкий И.М.* Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 2005. С. 170.

личия ситуации в Куйбышево от общесоюзных тенденций, а в том, что информативность материалов, представленных во введённом в научный оборот архивном деле, позволяет детально отследить ход кампании и «конфликтные моменты», возникавшие в её процессе. В этом смысле «куйбышевский прецедент» иллюстрирует ряд важных особенностей социальной реакции на антирелигиозную кампанию 1937–1939 гг.

Библиография

Кедров Н.Г. Государство и церковная община в 1920–1930-е годы: эволюция взаимоотношений в Устюженском районе // Устюжна: краеведческий альманах. Вып. 6. Вологда, 2008. С. 3–12.

Одинцов М.И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма 1917–1953 гг. М., 2014. 424 с.

Савицкий И.М. Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 2005. 899 с.

Шлёгель К. Террор и мечта. Москва 1937. М., 2011. 742 с.